

*С большой любовью
посвящается
Бриджитте Кеа Рок*

Надеюсь, ты никогда-никогда не станешь настолько старой, что перестанешь читать сказки

Mhamó*

«Иногда лучше рассказать обо всем в сказке».

К. С. Льюис

---

* Бабушка (*ирл.*)

Содержание

Глава 1. Джордж встречает Льва	9
Глава 2. Мэгс присоединяется к истории	13
Глава 3. Добро пожаловать в Килнс	24
Глава 4. Крохотная комнатка	39
Глава 5. Чернила — лучшее лекарство	52
Глава 6. На развалинах замка	64
Глава 7. Видеть другими глазами	79
Глава 8. Изгнание	91
Глава 9. Тьма и свет	107
Глава 10. Карта воображения	112
Глава 11. В поисках Севера	121
Глава 12. Другой профессор	134
Глава 13. Настигнут чудом	146
Глава 14. Каждый сюжет хранит свой секрет	160

Глава 15. Быть храброй.....	167
Глава 16. Дремлющие шпиди	175
Глава 17. Ответы без ответов	189
Глава 18. Начало	204
Глава 19. Истинный миф.....	211
Глава 20. Все начиналось с картинки	225
Глава 21. Поцелуй.....	235
Глава 22. Большое путешествие	246
Глава 23. Chara	264

ГЛАВА 1

Джордж встречает Льва

*Декабрь, 1950 год
Вустершир, Англия*

Джорджу Генри Девонширу было всего восемь, но он уже знал правду. Ему даже не пришлось бы ничего объяснять: у него с рождения слабое сердце, и они ничего не могут сделать. Они — это врачи, медсестры, родители и старшая сестра Мэгс. Они бы обязательно его спасли, будь это возможно, даже ценой собственной жизни. Это ему тоже прекрасно известно. Но увы.

За окном его спальни было видно сугробы. Одна за другой вставали и опускались кипенно-белые волны декабрьского снега. Джордж сидел на кровати, на пухлых подушках, которые его мама никогда не забывала взбивать. К кровати был придвинут коричневый дубовый столик, на нем — расставлены пузырьки с лекарствами, стакан воды и чашка давно остывшего заваренного мамой чая. Посреди этого хаоса лежала книга. На обложке был нарисован лев и стояла надпись: К. С. Льюис «Лев, Колдунья и платяной шкаф». Джордж часто засматривался на льва так, будто хотел выпытать у него ответы на все свои вопросы.

А вопросов у него было очень много.

Раньше Джорджу казалось, что, будь у него достаточно времени, чтобы стать взрослым, он бы наверняка нашел все ответы. Теперь он считал, что взрослые понимают не больше, чем он сам.

Но взрослый, написавший эту книгу, — которая может перенести Джорджа из собственной спальни в Нарнию, — определенно что-то знает. Какую-то *тайну*.

«Давным-давно жили-были» — с этих слов начинаются все хорошие истории, а эта книга начинается с четырех имен: Питер, Сьюзен, Эдмунд, Люси — и волшебного шкафа.

Джордж ждал, когда наступят выходные, потому что из университета должна была приехать сестра Мэгс. Ему не терпелось рассказать ей об этой удивительной книге: о волшебной стране, где царит вечная зима, но не наступает Рождество, где животные разговаривают, а задняя стенка шкафа открывает проход в другой мир. Всех слов, которые он знает, не хватит, чтобы выразить, как он любит свою сестру.

Напротив кровати стоял платяной шкаф — самый обыкновенный. Джордж откинул одеяло и просунул ноги в пушистые мягкие тапочки из овчины. После этого ему нужно отдышаться: стоит резко потянуться — и слабое сердце тут же напоминает о себе. Он подождал, пока выровняется пульс, и, шаркая тапочками, побрел к шкафу. Дернул за массивные ручки, и тяжелые дверцы со скрипом раскрылись.

Внутри не было зеркал, как в шкафу из книги, — только резные рисунки: деревья и птицы. На вешалках висел его скудный гардероб (если проводишь большую часть жизни в кровати, то можно обойтись и парой рубашек). Рядом висели зимние куртки его

семейства и все, что не влезло в шкаф к родителям. Здесь нет секретной дверцы, ведущей в заснеженную чащу, где у фонарного столба ждет фавн, который станет проводником в невероятном путешествии.

Все, что Джорджу остается, — это залезть внутрь, закрыть глаза и перенестись в мир, где его ждут приключения, где можно спрятаться от слишком реального мира, и где тело не будет стареть, а мама — плакать на кухне. Она не знает, что он все слышит.

Растолкав пальто, рубашки и платья, маленький мальчик забрался в шкаф. Он ниже и слабее, чем обычный восьмилетний ребенок, но ему все равно приходится подтянуть колени к самому подбородку и прижаться к задней стенке. Дверцу он никогда не захлопывает. Дверцу всегда оставляют открытой: как говорит Люси, самая большая глупость на свете — захлопнуть себя в каком-нибудь шкафу.

Джорджа окутала тьма. Она пахла розовой водой, которой душится мама, нафталиновыми шариками (прямо как в книге) и совсем чуть-чуть — древесиной дремучего леса. Расправив плечи, он прислонился к стенке и сделал глубокий выдох. Закрыв глаза, он представил себе говорящего бобра, который приглашает его в гости на чашку чая.

Джордж улыбнулся.

Зря они думают, что он боится. У него ничего не болит. И даже когда остановится сердце, больно не будет. А сейчас он просто устал и ему хочется спать.

Он прочел достаточно книг (а чем еще заниматься в кровати?), чтобы понять, что Нарния — не настоящая страна, по крайней мере, в мире взрослых (хотя, честно говоря, что они вообще знают?). Зато профессор, который написал про это волшебное

место, — самый настоящий и живет всего в паре станций отсюда, там же, где учится Мэгс, — в Оксфорде. Вот он-то должен знать ответы на вопросы Джорджа.

Откуда взялась эта страна, в которой есть лев, белая колдунья, фавны, бобры и замки?

Как Аслан, такой же всамделишный, как и все, что окружает мальчика, попал на страницы книги?

К Джорджу неслышно, словно лев на мягких лапах, подкрался сон, и мальчик провалился в его объятия, обнимая руками за гриву (которая, на самом деле, была маминой кроличьей шубкой). Оказавшись посреди занесенных снегом деревьев, вдыхая морозный воздух, он снова погрузился в историю, которая запомнилась ему настолько, что не покидала даже во сне.

ГЛАВА 2

Мэгс присоединяется к истории

Когда-то, давным-давно, по оба берега реки Чаруэлл — где он стоит и поныне — раскинулся город. В том городе, как и в любом другом, родилось множество бессмертных легенд. Река Чаруэлл начинает свой неспешный бег в Хеллидоне, а заканчивает, впадая в Темзу, недалеко от Оксфорда, города каменных башен и сверкающих шпилей, — отсюда и берет начало наша история, как и многие до нее. Этот древний город битком набит удивительными историями. Они таятся повсюду: на шпилях колоколен и верхушках башен, в тишине библиотек и одноместных номеров, в музеях и на каменных мостовых. Некоторым из этих историй было уготовано стать легендами.

Или даже мифами.

Мы впитали эти истории, и они стали неотъемлемой частью нас.

Но мне, Маргарет Луиз Девоншир, или попросту Мэгс, до всего этого, откровенно говоря, нет никакого дела.

Мое сердце отдано цифрам и уравнениям, мой разум — поиску разгадок величайших тайн физики.

Наступила первая пятница декабря. Я сидела в поезде из Оксфорда в Вустер, который прибывал на станцию Форгейт, всего в миле от моего дома на Лондон-роуд. Я ездила домой чаще, чем мои сокурсники из Сомервилля — одного из немногих колледжей, куда принимали женщин. Конечно, ведь у них нет такого брата, как Джордж, поэтому их и не тянет домой, в родные пенаты. Я называю их сокурсниками, потому что пока мы не очень-то подружились. Возможно, оттого что я уезжаю из Оксфорда, как только выдастся возможность, а они — расходятся по пабам, чтобы за пинтой пива спорить о политике, играть в шашки и запросто кокетничать со всеми подряд.

Я бы никогда не смогла рассказать им о том, как ужасно тосковала по Вустеру: по тому, как вольготно он раскинулся по берегам реки Северн, по шуму Вустерского фарфорового завода, по старинному мосту и каменным аркам, сверкающим на солнце, по вересковым пустошам и шпилям Вустерского собора, величественно устремленным в небо.

Не подумайте, что я не рада учиться в Оксфорде. Еще как рада! Я стремилась к этому всю жизнь. Всегда хотела попасть именно сюда, сколько себя помню. Мне семнадцать, и в нашей семье я — первая женщина, которая учится в колледже, и горжусь тем, что получаю стипендию за свои успехи. Иногда мне даже немного стыдно, что у меня есть стипендия, собственная спальня и маленькая гостиная, полностью меблированная, и что все это мне далось так легко. Я просто занималась любимым делом.

Хотя, конечно, важнее всего для меня всегда будет Джордж.

Наша семья живет в Девоншире, в сельском каменном доме с низкой ольховой изгородью. Вдоль дорожки, идущей от деревянной калитки ко входной двери, растут дымянка и лунная трава, которые сейчас греются под снежным покровом. Пустые ящики для цветов, которые папа смастерил маме на день рождения, печально висят под окнами в своей зимней наготе.

Прошлой осенью, когда полевые работы уже подходили к концу, мама работала в саду с невиданным рвением, и я, кажется, понимаю, почему: она ничем не могла помочь Джорджу и спасалась от отчаяния, окружая заботой каждую выращенную ей былинку.

Я стояла перед своим родным домом, где провела всю жизнь до поступления в Оксфорд, и смотрела, как из трубы на крыше струится дымок. Потом осторожно прошла по каменной дорожке, припорошенной снегом и искрящейся на солнце, поднялась по ступеням и на мгновение замерла перед синей входной дверью.

Какая бы грусть ни лежала у меня на сердце, Джордж не должен ее видеть.

Я открыла дверь, и меня обволокло теплом от камина; его запах навевал детские воспоминания, от которых щемило в груди.

Нужно быть сильной.

Закрыв дверь, я стянула пальто и варежки, положила их на скамейку и скинула сапоги. Медленно пошла по дому, который знала наизусть и запросто могла обойти с закрытыми глазами, ни разу не наткнувшись на угол кухонного шкафчика, ножку стола или большое кожаное кресло папы. Даже с завязанными глазами я бы за минуту нашла свою спальню,

забралась бы с грелкой в кровать под старое, тонкое покрывало и снова стала бы десятилетней девочкой.

На кухне никого не было. У плиты на голубой столешнице стоял чайник, рядом — пустые чашки. На деревянном столике — обложкой вниз, с заломанным корешком, — лежал детектив Дороти Ли Сэйерс. Мама уже прочитала половину очередной истории про лорда Питера Уимзи. Любопытно, что писательница тоже училась в Сомервилле, и мама была ничтожкой, связывающей меня с ее книгами.

Дважды повернув направо, я оказалась перед спальней Джорджа. Мы отдали ему комнату с самыми большими окнами, чтобы он мог смотреть на улицу даже в те дни, когда прикован к постели. Временами он задыхается так сильно, что у него синеют губы. Окно для него — не просто окно, это окно в жизнь.

Войдя в комнату, я увидела гору смятых подушек и скомканное покрывало.

У меня застучало в висках. Неужели Джорджу резко стало плохо и пришлось везти его в больницу? Такое уже случалось.

Голос мамы вернул меня к реальности. Она вошла в комнату и крепко меня обняла.

— Ты дома!

— Где Джордж?

Я указала на пустую постель. Мама посмотрела туда, затем обвела взглядом комнату и, побледнев, стала испуганно звать Джорджа. Я присоединилась к ней. Брат не отзывался. Мы бросились обыскивать каждый угол нашего маленького дома, но все наши усилия были тщетны.

Распахнув входную дверь, мама высунулась на улицу.

— Здесь только твои следы, — с облегчением выдохнула она.

Я побежала обратно в комнату Джорджа, заглянула под кровать — но и там было пусто. А потом я вдруг заметила приоткрытую дверцу шкафа.

— Мама! Он здесь! — крикнула я и дернула за ручку. Внутри, поджав колени к груди, сидел и как ни в чем не бывало хлопал своими большими голубыми глазами Джордж.

— Мэгс! — бросился он ко мне. Я изо всех сил стиснула его в объятиях, забыв, что могу ему что-нибудь сломать.

— Джорджи-Порджи.

Я подняла его на руки, и он обнял меня за шею. От него пахло розовыми саше, развешанными в шкафу, и я глубоко вдохнула его запах. Он вжался в меня, худой и хрупкий, и мы крепко обнялись. Я осторожно положила его на кровать. Он не отпускал меня, продолжая обвивать руками мою шею, пока я не засмеялась и не поцеловала его в щеку. Укутывая брата в одеяло, я заметила, что мама наблюдает за нами с явным облегчением.

Присев на край кровати, я почувствовала, как постель проминается под моим весом.

— Я получила твое письмо. Здорово у тебя получилось описать, как отец носился по саду, пытаюсь поймать сбжавшую овцу! Когда это ты научился так хорошо писать?

Джордж широко улыбнулся. Волосы у него светлые, белые, почти как хлопок. Сумерки незаметно просачивались в комнату через окно, будто им было интересно, о чем это мы разговариваем, и я включила ночник.

— Джордж, зачем ты спрятался в шкафу? — шепотом спросила я.

— Я не прятался, я мечтал, — ответил он, глядя в окно. — Фантазировал.

Мама посмотрела на меня и кивнула в сторону кухни.

— Скоро вернусь, — я поцеловала Джорджа в щеку, и он закрыл глаза.

Мама поставила чайник на огонь, пару секунд посмотрела на него, а потом повернулась ко мне. В глазах у нее стояли слезы.

— Это все эта книга. Это из-за нее он прячется в шкафу. Перечитывает ее снова и снова. И наотрез отказывается от других книжек. Даже от своих любимых сказок про кролика Питера и бельчонка Тресси. Теперь все разговоры только о Нарнии, льве и четырех детях, которых война разлучила с родителями. О волшебстве, колдуньях и говорящих животных. И больше ни о чем он говорить не хочет.

— Ты прочитала книгу?

— Пока нет. Тетя Дотти занесла всего пару дней назад. Сказала, это новая детская книжка. Ее написал преподаватель из вашего университета.

— Клайв Стейплз Льюис, — вставила я. — До нее вышли «Письма Баламута» и наделали много шума. Слышала, что он собирается писать продолжение книги про Нарнию.

— Тогда лучше бы ему поторопиться. Сомневаюсь, что твой брат... — тут к ее глазам подступили слезы, которые она поспешила вытереть тыльной стороной ладони.

— Мам, не говори так. Прошу тебя.

— Но ведь так оно и есть.